

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

А.П. Романова , В.О. Мармилова¹

Проблема безопасности чрезвычайно актуальна для самых разных областей человеческой жизнедеятельности. Уровень современного военного потенциала и его разрушающие способности, проблемы в экологической сфере, информатизация общества, этнические конфликты и т.д. создают все новые объективные угрозы существованию человечества. Многочисленность и разнообразие этих угроз способствовали формированию серии понятий, связанных с безопасностью человечества и отражающих те или иные ее стороны.

При всей кажущейся простоте и ясности разветвленность и непроработанность категориального аппарата создает ряд трудностей. Попробуем разобраться в данной системе категорий и определить в ней место понятия «культурная безопасность».

Понятие «*безопасность*» – самая широко трактуемая категория этой области исследования. Осмысление этого феномена начинается в эпоху Нового времени. Именно тогда, в период Великих географических открытий, расширения территорий, революционных событий безопасность как таковая провозглашается особой витальной ценностью. По выражению И. Бентама, это «основа жизни, существования, довольства, счастья, от нее все зависит» [3, с. 345]. Безопасность как естественное право человека фиксируется в ряде документов уже с XVII в.: в английском Биле о правах 1776 г., американской Декларации независимости 1776 г., во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Вплоть до XX в. безопасность традиционно понималась как военно-политическая, физически-телесная, ресурсная, распределительная и т.д. В ряде

¹ Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета. Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru

Мармилова Валерия Олеговна, ассистент кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: valeraiwind2003@mail.ru

отечественных исследований (в работах Л.Н. Анисимова, З.С. Белоусовой, Н.С. Бирюкова, И.П. Блищенко, С.Н. Власова, В.Д. Кудрявцева, Ю.И. Голошубова и др.) безопасность до сих пор отождествляется с государственной, национальной защищенностью от военных угроз.

Современность, привнося в жизнь человека все новые риски, расширяет понятие безопасности. В него включается и защита от ядерной угрозы, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д. Однако все чаще в контекст понятия безопасности начинает входить психологическая, культурная, информационная, этническая, религиозная и иные сферы.

Многозначность и сложность этого понятия выражается в наличии множества смыслов и трактовок, причем зачастую базирующихся на совершенно разных основаниях. Наиболее часто встречается толкование безопасности как защищенности, как это определено в Законе РФ о безопасности. «Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [8]. Согласно «Энциклопедии социологии» безопасность – это защищенность жизненно важных интересов социальной структуры или ее отдельного элемента от внешних и внутренних угроз, где последние выступают или реализуются как противоположные, противоречивые интересы каждого элемента социального сообщества» [21].

Трактуется безопасность и как *состояние свободного выбора*. Так, Е.М. Бабосов определяет безопасность как состояние общественных отношений, при котором личность, социальная группа, общность, народ, страна (государство) может самостоятельно, суверенно, без вмешательства и давления извне свободно выбирать и осуществлять свою стратегию международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития [21].

С точки зрения синергетики безопасность понимается как *устойчивость общественной системы*. По мнению В.Ф. Молчановского, «понятие “безопасность” отражает, с одной стороны, состояние (жизненность) системы, с другой – совокупность специальных мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости социальной системы» [14, с. 170].

Некоторыми исследователями (В.В. Серебрянников, Ю.И. Дерюгин, Н.Н. Ефимов, В.И. Ковалев) безопасность понимается и как некая *человеческая активность* на различных уровнях от личности до государства и человечества в целом, направленная на выявление (изучение), предупреждение, ослабление, устранение (ликвидацию) и отражение опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития [19, с. 17, 63].

Как видим, спектр определений безопасности достаточно широк – от состояния (устойчивость, защищенность, свободный выбор) до деятельности (человеческая активность). Вследствие чрезвычайно широкого уровня объектов данное понятие приобретает онтологический, бытийный смысл, ибо безопасность нации, государства и человека во многом зависит и от состояния биосферы, и от ближайшего космического пространства, и от социума и личности.

Все остальные понятия более узки, поскольку имеют конкретный объект, требующий обеспечения безопасности: нацию, государство, человека и т.д. Однако надо все время помнить о включенности личности и социума в более широкую космическую систему, а следовательно, и о взаимозависимости различных уровней безопасности.

Следующим по объему является понятие *«глобальная, или международная безопасность»*, которая трактуется как состояние отношений между государствами мира, при котором им не угрожает опасность военной, экономической, любой другой экспансии, посягательство извне на существование, суверенное и независимое прогрессивное развитие [2]. На этом понятийном уровне отбрасывается целый комплекс угроз, связанных с космическими или экологическими катастрофами, и акцент делается на взаимоотношениях между государствами и защите от военных угроз.

В научной традиции наиболее общеупотребимо понятие *«национальная безопасность»*. Данный термин впервые был употреблен Т. Рузвельтом в 1904 г. в послании американскому конгрессу в связи с идеей присоединения к территории США Панамского канала. А в конце XX в. он стал для американцев практически ритуальным, поскольку проблема национальной безопасности является темой ежегодного послания американского президента гражданам страны.

В ряде случаев понятие национальной безопасности отождествляется с понятием государственной безопасности. Так, И.Л. Прохоренко рассматривает национальную безопасность как «сочетание внутренних и внешних обстоятельств, воздействующих на жизнь государства, при котором отсутствуют угрозы критического характера и в то же время сохраняется полноценная способность государства адекватно реагировать на эти угрозы, коль скоро они возникнут» [17, с. 70].

Однако не совсем верно, на наш взгляд, смешивать эти понятия, поскольку понятие нации и государства не тождественны. Под государственной безопасностью понимается скорее сохранение самой государственной машины и определенных институтов. По утверждению А. фон Бреннера, «практически единственным объектом государственной безопасности является само государство, интересы которого, как известно, не всегда совпадают с интересами общества и личности. Субъектами и объектами концепции национальной бе-

зопасности являются: личность с ее правами и свободой, общество с его материальными и духовными ценностями, государство с его конституционным строем, суверенитетом и территориальной целостностью. Принципиальным отличием концепции национальной безопасности от государственной безопасности является изменение системы приоритетов на противоположную: главное – личность, затем – общество, затем – государство» [4].

Национальная безопасность не только отождествляется с государственной, но и в некоторых трактовках практически сливается с понятием безопасности как таковой (например, в трактовке А. В. Возженикова), за исключением космических и экологических рисков. «Национальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внешних и внутренних опасностей и угроз, характеризующееся таким положением страны, при котором обеспечивается ее целостность и внутренняя стабильность, суверенное и прогрессивное развитие, возможность выступать самостоятельным и полноправным субъектом международных отношений» [7, с. 47–48].

Национальная безопасность трактуется и как состояние системы общественных отношений между субъектами социальной системы, индивидами, государственными институтами в рамках национального образования и в сфере международной деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений путем оптимального соотношения с интересами других субъектов [21]. В данном случае это отражает синергетический вариант определения общей безопасности.

В рамках разработки и развития концепции национальной безопасности все большее значение начинает приобретать исследование различных ее аспектов или форм: экономической, политической, экологической, информационной, духовной, культурной, религиозной, этнической. Та или иная форма безопасности возникает с появлением новых рисков и угроз или с интенсификацией уже существующих.

Нас в контексте нашего исследования интересует прежде всего социокультурный аспект этого феномена. Надо заметить, что в последние годы в отечественной и зарубежной литературе возник ряд понятий социокультурного характера, являющихся видовыми спецификациями понятия безопасности. Это понятия «духовная безопасность», «культурная безопасность», «социальная безопасность», «религиозная безопасность», «конфессиональная безопасность», «этническая безопасность». Такой широкий диапазон и недостаточная обозначенность, а зачастую отсутствие дефиниций многих понятий создают некую концептуальную неразбериху.

К числу широких понятий относится и *социальная безопасность*. Р.Г. Яновский определяет ее как «надежную защищенность жизненно важных целей, идеалов, ценностей, интересов социальных субъектов макро- и микроуровней, сохранение и развитие человеческого потенциала, поддержание эффективного стимулирования деятельности людей, систем их социализации и жизнеобеспечения, непреходящих ценностей, нравственности» [22, с. 39–40]. Как видим, здесь делается акцент на защищенности социума в целом и отдельного человека в частности. Причем, с нашей точки зрения, в рамках уровня социальной безопасности социум должен пониматься как глобальная система, не имеющая национальных и государственных границ, а наиболее важным аспектом – система безопасности самой структуры, которая может гарантировать всестороннее развитие личности.

Более узким по отношению к предыдущим представляется понятие «*духовная безопасность*», которое является и наиболее разработанным, на наш взгляд. В отечественной науке этой проблемой в целом или отдельными ее аспектами занимались архиепископ Иоанн (Попов), А.А. Возмитель, О.А. Хвыля, Н.П. Золотова, А.С. Записоцкий и др. Чаще всего духовная безопасность раскрывается в контексте национальной безопасности как ее специфическая составная часть. «Она представляет собой состояние личности, общества и власти, обеспечивающее их нормальное взаимоувязанное существование и функционирование, а также созидательное культурно-цивилизационное развитие сложившегося или складывающегося национального образа жизни. С другой стороны, это процесс сохранения и позитивного видоизменения идей, идеалов, ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе, разделяемых массами людей и властными структурами в целях социального воспроизводства, гарантирующего устойчивость вектора, преемственность и динамику общественного развития» [1, с. 33].

Далее, давая ее развернутую дефиницию, авторы определяют ее многопланово как: «1) способность личности, общества и государства сохранять и развивать позитивную созидательную духовность; 2) состояние защищенности жизненно важных духовных интересов и потребностей личности, общества и государства; 3) систему отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для духовной жизни и духовного развития» [1, с. 33]. Не давая дефиницию самого понятия духовности, они как само собой разумеющийся факт рассматривают в качестве основы духовной безопасности прежде всего традиционную религию (для России это православие), что соответственно сужает характер самой концепции, поскольку понятие духовности шире понятия религиозности и включает в себя ряд светских атрибуций.

А.С. Записоцкий под духовной безопасностью понимает систему условий, позволяющих обществу и культуре сохранять жизненно важные конструкторы в

рамках исторически сложившейся нормы [9]. Такое определение носит скорее регулятивный характер.

Н.П. Золотова в свою очередь определяет духовную безопасность более широко – как защищенность духовно-идеологических, нравственных, культурных основ жизнедеятельности общества, тем самым включая культуру в основу ее дефиниции [10].

Более широким, чем духовная безопасность, представляется понятие «культурной безопасности». Прежде всего, в силу того, что духовность – одна из составляющих (наряду с материальной) человеческой культуры. Сложность дефиниции понятия «культурная безопасность» в его базовом компоненте – понятии «культура». Культура – достаточно сложное, размытое и многократно дефинируемое понятие ввиду ее двойственной природы. Одна часть культуры – это некий постоянный концепт, который требует бережного сохранения и воспроизводства, по крайней мере, на достаточно большой временной отрезок. Именно он представляет собой культурный код, культурное ядро любой национальной и этнической культуры, который гарантирует ее идентичность. Вторая сторона культуры – динамично развивающаяся, постоянно изменяющаяся, что дает возможность культуре выполнять адаптационные функции.

Необходимо учитывать, что культура – многоуровневое образование, где наряду с самым широким понятием «мировая культура» или «общечеловеческая культура», тем концептом, что объединяет человечество в единое целое, существует огромное количество национальных, этнических, локальных культур, делающих человеческое существование разнообразным и ярким.

В XX в. с его глобализационными процессами, постоянными локальными этническими и религиозными конфликтами возникли и продолжают углубляться угрозы и риски как для отдельных культур, так и для культуры человечества в целом. Это стало предметом особого беспокойства для многих социальных институтов – ООН, ЮНЕСКО и др.

«В настоящее время, – пишет в своем послании Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацура, – культуре угрожают весьма различные факторы: в одном случае чрезмерная защита национальной самобытности создает угрозу для культуры групп, относящихся к меньшинствам; в другом случае во имя религии испытанию подвергается культурная практика. Наконец, почти повсеместно под воздействием бурно развивающегося процесса глобализации исчезают языки, забываются традиции, отмечается маргинализация и даже уничтожение уязвимых культур. Опасность значительного сокращения спектра культурного разнообразия является весьма серьезной. Радуга над нашей планетой может стать одноцветной, что создаст угрозу для наследия будущих поколений и выживания человеческого рода» [15].

К этому списку угроз можно добавить естественное и искусственное разрушение материальных памятников культуры. Определенную угрозу общечеловеческой культуре несли ее упрощение, массовизация с распространением на большие территории в связи с глобализацией. Таким образом, мы видим, что на современном этапе культурная безопасность является важнейшим фактором сохранения безопасности как таковой.

Что же понимается под термином «культурная безопасность»?

Впервые о культурной, вернее, о конфессиональной безопасности упоминается в работах Ж. Бодена в XVIII в. Понятие безопасности рассматривается Ж. Боденом [5, с. 14–15] чрезвычайно широко и охватывает кроме обычного спектра составляющих, также экономическую и культурную безопасность. В данном случае под экономической безопасностью понимается обеспечение некоего «единого экономического пространства» посредством установления единой денежной системы и системы мер и весов, а под культурной безопасностью – защита государства от чужеродных религиозных влияний. Проповедуя веротерпимость, Боден вменяет в обязанность суверену бороться против радикальных учений, посягающих на основы государственности. Всякая свобода веры и убеждений возможна лишь до тех пор, пока это не затрагивает публичного интереса и является вопросом частного выбора.

Большой вклад в разработку этой проблемы на уровне –безопасности культурного пространства внес другой француз П. Бурдьё [6]. Безопасность культурного пространства – это забота государства о культуре своей страны. Бурдьё тиражирует альтюссеровский термин «культуркапитал» [12], придавая ему новое дыхание. Под культуркапиталом понимается накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене.

На Западе концепция культурной безопасности как *cultural safety* начала формироваться в 1980-х гг. Возникает она в процессе формирования системы медсестринского и акушерского облуживания народа маори в Новой Зеландии, когда стало понятно, что в процессе этой деятельности необходимо учитывать традиции и обычаи народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь. Культурная безопасность (*cultural safety*) понималась как деятельность, которая вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает и уважает их, дает им возможность выражать свою идентичность и идет навстречу их культурным нуждам [23, p.11]. Культура в этой концепции понималась прежде всего как характеристики индивида и включала в себя возраст, пол, сексуальную ориентацию, род деятельности и социоэкономический статус, этническую принадлежность и опыт, религиозность или иные духовные верования, ограниченность в правах [23, p.13], но, впрочем, не сводилась к этому перечню.

Позднее, в 1990-х гг., концепция культурной безопасности вышла за рамки околomedicalной проблемы и стала обозначаться более широким и более политизированным термином «cultural security» [24]. Оба термина «safety» и «security» используются как синонимы и обозначают безопасность. Но термин «security» имеет более формализованный юридический, государственный смысл – это защита, обеспечение, гарантия, охрана. Термин «safety» означает не только защищенность, но и трактовку как невредимость, целостность. Поэтому концепция cultural safety продолжала существовать в рамках проблемы медицинского обслуживания, а концепция cultural security, часто оставаясь привязанной к культурам небольших этносов и их проблемам в глобализирующемся мире, тем не менее вышла за узкие рамки и начала приобретать все более широкий смысл.

Именно в этот период Генеральная Ассамблея ООН провозгласила в резолюции 57/249 «Культура и развитие» от 20 декабря 2002 г. ценность культурного разнообразия. В связи с этим в послании Генерального директора ЮНЕСКО об объявлении 21 мая Всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития еще раз был поставлен вопрос о необходимости сохранения культурного богатства всех существующих ныне народов и обозначены угрозы культуре.

Формулирование концепции культурной безопасности явилось следствием осмысления проблемы социальной безопасности. На основе концепции социальной безопасности О. Вивера [25] С. Форрест предложил трактовку понятия культурной безопасности (cultural security). Культурная безопасность, по С. Форресту, может быть понята как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [26].

Для отечественной литературы это проблема достаточно новая и малоработанная. В отечественной научной литературе и публицистике тоже существует несколько аналогичных терминов, которые имеют специфические характеристики (культурная безопасность, безопасность культуры и культура безопасности), которые, однако, могут носить различную смысловую нагрузку. Эти термины в последнее время стали появляться как в публицистике, так и в научной литературе [11], но ни четкой дефиниции, ни разграничения понятий пока не встречается.

Попытаемся разграничить эти понятия. Прежде всего, сразу абстрагируемся от термина «культура безопасности», который был сформулирован МАГАТЭ в 1986 г. в процессе анализа причин аварии на Чернобыльской АЭС и употребляется в связи с работой на атомных электростанциях. Культура бе-

зопасности в данном случае это культура труда работников станции, влияющая на уровень риска возникновения нестандартной ситуации [13].

Термин «безопасность культуры» более узок и относится к определенной локальной культуре и ее сохранению. Объектом обеспечения безопасности здесь является культура того или иного народа в ее сложившейся форме – традиции, обычаи, система религиозных верований, этническая идентичность, духовность и т.д. Безопасность культуры есть более узкая сфера культурной безопасности, это некое обязательное условие, при котором возможна культурная безопасность.

Термин «культурная безопасность», с нашей точки зрения, более широк и рассматривает культуру и как объект, и как фактор обеспечения безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность – это состояние системного равновесия, то поддержание нарабатанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо замечание А. Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными [20].

По замечанию С. Форрестера, культурная безопасность – это скорее не защита культуры от угроз, а создание условий, при которых культура будет безопасно расти и развиваться по своим законам [26]. С нашей точки зрения, система культурной безопасности – это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития.

Итак, анализ показал, что культурная безопасность – понятие достаточно сложное. Его естественными составляющими являются этническая и конфессиональная безопасность. Под этнической безопасностью понимается безопасность общественной жизни, в которой нет места национальной розни, национальной нетерпимости, в которой право не выделяет в качестве приоритета национальную принадлежность и применяется ко всем национальностям объективно и справедливо, согласно букве закона [18].

Некоторые исследователи определяют ее как этнокультурную, подразумевая под ней состояние устойчивого функционирования и целостного воспроизводства культур основных социальных объектов/субъектов и их этнокультурной идентичности при свободном взаимодействии между ними культурными навыками и повышении степени адаптивности к развивающимся социальным изменениям. Она обеспечивается при помощи прогноза этнокультурных процессов в рамках страны или региона, в том числе с учетом разделяемой системы ценностей, и поддерживается за счет реализации этнокультурных прав

индивидов, этнических групп, а также институционализированной государственной внутренней и внешней политики [15].

Библиографический список

1. Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель А.А., Хвыля О.А. Духовная безопасность России. М.: Логос, 2005.
2. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: Словарь-справочник / Автор-сост. проф. В. Ф. Пилипенко. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ПЕРСЭ-Пресс, 2005.
3. Бентам И. Избр. соч. СПб., 1869. Т.1.
4. Бреннер фон. А. Введение в политологию национальной безопасности // <http://www.von-brenner.com/Vvedvnacbez.htm>
5. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000.
6. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
7. Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России: Монография. 2-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во ЭДАС ПАК, 2000.
8. Закон РФ «О безопасности» // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40315.html
9. Записоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2.
10. Золотова Н.П. Театр как социокультурный фактор духовной безопасности страны // Аналитический вестник. 1998. № 4 (71).
11. Каплиев А.С. Безопасность Российской культуры в контексте геополитической культуры России (история и современность) //: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=19297>
12. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2000.
13. Машин В.А. Концепция культуры безопасности // Электрические станции. 1997. №4.
14. Молчановский В.Ф. Безопасность – атрибут социальной системы // Со-циально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях. М.: Граница, 1994.
15. Перепелкин Л.С. Межэтнические конфликты: причины возникновения и механизмы предупреждения // Конфликт – диалог – сотрудничество. 1999. № 1 (сентябрь-ноябрь).
16. Послание Генерального директора ЮНЕСКО в связи с проведением 21 мая Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития // <http://www.kyrnatcom.unesco.kz/press%20hq/press5.htm>
17. Прохоренко И.Л. Национальная безопасность и баланс сил // Баланс сил в мировой политике: теория и практика: Сб. ст. / Под ред. Э. А. Позднякова. М.: ИМЭМО, 1993.
18. Сарапулов В.Н., Якупова В.Н. Безопасность человека и гуманитарные средства ее обеспечения (на примере космодрома Байконур) // <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Sarapulov&Iakupova>

19. Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И. Безопасность России и армия. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995.
20. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
21. Энциклопедия социологии. М.: Книжный Дом, 2003.
22. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999.
23. Cultural safety; Valuing difference, avoiding assumptions and communication. N.-Y., N.-Y. University Press. 1998 .
24. Cotter J. M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia // Conflict study Journal at the University of new Brunswick Vol. XIX No. 1, Spring 1999.
25. Weaver O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. L.: Routledge, 1993.
26. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / Proceedings of the Third Northern Research Forum / Plenary on Security, Yellowknife, NWT September 18, 2004 // http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21